

Василий Богуславъевич

Ишше было в славном городе в Новигóроде,
Ай там жил-то ведь был да всё богатой князь,
Ай богатой ведь князь всё Богусла́нушко.
Ай была у ево всё молода жона,
Ишше та ли кнегина да Овдотья-свет Васильевна.
Ай не славилсэ князь, скорó представилсэ;
Оставалась у ево да всё малá семья,
Всё малá семья, Овдотья всё Васильевна;
Оставалось у ево всё цядо милое,
Цядо милое Василей Богуславъёвич,
Ишше стал-то Василей Богуславъёвич,
Ишше стал у нас Васильюшко семи годов;
Отдала его родима ёво матушка,
Отдала ево во школу уцить грамоты;
Как ведь скоро Васильюшко да научилсэ-то.
Ишше стал он на улоцьку похаживать;
Он дворяньскимá забавами да забавляйтсе, —
Малых деточек на улки пообíживат:
Он ведь голову возъмёт, да голова тут прочь;
Он ведь зá руку, зá ногу — нога тут проць.
Он ведь тут, Василей Богослаевич,
Он ведь много убивал да малых деточок.
Говорят-то всё многí да люди добрыя;
Тут ведь стали мужики-новгородцы собиратисе,
Они стали к Овдотьюшки ходить, ругать-ту всё.
Вот уходит Васильюшко опять на улочку;
Говорят-то мужики новгородския:
— Мы лишим-вершим тебя, Василей, с своей-то буйной гóловой,
Отсекём у тя по плéць мы буйну голову!
Тут задумалсэ Василей Богуславъёвич;
Он пошел-то тут ведь скоро к рóдной матушке,
Он повесил буйну голову с могучих плéць.
Говорит-то тут ему всё рóдна матушка,
Ишше та ли всё вдова Овдотья-свет Васильёвна:
— Уж ты шьчо же, ты моё да цядо милоё,

Молодой ты мой Василей Богуславъевич!
Ты невесёл-то идёшь, Васильюшко, ко мне, нерадосьнё?
— Уж ты гой еси, матушка родимая!
Тут хотят миня ,зымать-то мужики новогороцьския,
Отрубить они мою всё буйну голову.
Говорила ему матушка родимая,
Ишше та вдова Овдотья-свет Васильевна:
— Уж ты гой еси, моё да чадо милоё,
Цядо милоё моё да ты любимое,
Молодой ты мой Василей Богуславъевич!
Собирай себе дружиночку всё храбрую,
Выбирай себе дружиноцьку протів себя,
А против себя дужинушку, хоробрую.
Говорил-то ей Василий Богуславъевич:
— Соберу-ту я пир на широком двори,
Я налью-то ведь цяру зелёна вина,
Зелёна-та вина цяру полтора ведра.
Наливат скоро чарочку-ту зелёна вина,
Зелёна вина цяру полтора ведра;
Сам садитсе во полату белокамянну
Ай на тот ли он на стул всё рыта бархата,
Он ведь пишет ёрлыцьки да скорописцяты,
Отсылает ёрлыки да всё по городу,
Собирались-то дружиноцька штобы хоробрая.
Тут приходит к ему да на широкой двор,
Во первых-то приходит к ему Потанюшка всё Хроменькой;
Тут-то брал Потанюшка цярочку левой рукой,
*(Он (Василий) ищё сказал, шьтобы —
левой рукой могут ли кто чару это здынять?)*
Выпивает ету цярочку он на единой дух.
Тут ведь брал-то Василей Богуславъевич,
Он ведь брал-то в свои руки богатырьския,
Он ведь брал-то тут да всё как чёрной вяз,
Он ведь хлопал-клёскал вязом Потанюшку да по резвым ногам;
Ай Потанюшка стоит, стоит, не трёхнитсе,
Он не трёхнитсе стоит да не зворонитсе.
Тут как брал его Василей Богуславъевич
За праву-ту его да всё за рученьку:
— Приходи-ко-се, Потанюшка ты Хроменькой.

Приходи в мои полаты белокамянны;
Уж ты будь мне-ка дружиночкой хороброю;
Ай садись ты за мои ти дубовы столы,
Ты за те садись за скатерьти за бранья,
Ты за те садись за есвы за сахárныя,
Уж ты пей-ко, ты ешь да всё ты кушай-ко.

Сам пошел-то опять да на широкой двор,
Наливает опять цярку полтора ведра,
Полтора-та ведра да зелёнá вина.
Тут идёт опять к ему всё на широкой двор,
Тут идёт-то всё дружина к ему храбрая,
Ай идёт-то по имени Косьтя новотóрженин;
Он берёт-то ету цярочку левóй рукой,
Выпивал-то ету чарочку всё на единой дух.
Тут хватал-то Василей Богуславьёвич,
Он хватал-то в белы руки богатырьския
С широка-то двора да всё он чёрной вяз,
Он ударил Косьтю все по буйной ево гóловы;
Ай стоит-то ведь Косьтя, не думает.

(Небóлько кажет.)

Говорит-то Василей Богуславьеич:
— Уж ты гой еси, Косьтя новоторженин,
Уж ты будь мне-ка дружиночкой хороброю,
Проходи в мои полаты белокамянны,
Пей ты, ешь у меня садись-ко, кушай-ко,
За мои ти столы садись дубовыя,
Ты за скатерьти да всё за бранья,
Всё за есвы за мои да за сахárныя.

Тут проходит Косьтя новоторженин;
Оставайтсе Василей на широком двори;
Наполняёт-наливаёт чарочку опеть он зелены́м вином.
Тут приходит опеть к ему дружиночка всё храбрая,
Ище тот ли Данилушко сутул, горбат,
Он сутул, он горбат, всё наперёд покляп,
Выпивал он цяроцьку всё на единой дух.
Он того Василей Богуславьёвич
Он не пробуёт ево всё могучóй силы,
Он не бил, не пробовал да всё чорны́м вязом;
— Проходи ты ко мне, Данилушко, в полаты белокамянпы,

Уж ты будь мне-ка дружиночкой хороброю,
Ты попей поди, поешь у мя, покушай-ко,
Ты садись-ко за мои-ти дубовы́ столы,
Шьчо за браны за мои-ти белы скатерти,
Уж ты пей-ко, ешь да у мя кушай-ко
Ты как те ли мои есвы сахárныя.

Тут услышил Василей Богуславъевич
Шьчо собирайтесь у князя-та новгородцького,
Собирайтсе пир да всё на весь ве́дь мир:
Шьчо на тех ли на князей всё на богатых,
Да на тех ли мужи коя яовогородськиих,
Собирает пир да всё судить-то, да они всё присуживать
Ай того ли Васильюшка Богусла́вьевича.

(Набил, вишь, ребят.)

Да услышал про это богатырь наш всё пресильнѣй-от,
Да могуцѣй богатырь наш доброй молодець,
Ешше тот ли свет-Васильюшко наш Богусла́вьевич.
Всё на пир-то ве́дь Василья тут не по́звали,
Говорит-то Василей Богуславъевич
Он своей-то всё родимой своей матушке,
Он ли той ли Овдотьи-свет Васи́льевне;
— Уж ты гой еси, родима моя матушка,
Пожила вдова Овдотья-свет Васи́льевна!
Я пойду разве ко князю на почѣсѣн пир,
Поведу-ту я свою дружинушку хоробрую.

Говорит-то Василью ро́дна матушка:
— Уж ты гой еси, Василей Богуславъевич!
Ишше как ты пойдѣшь, да ты ве́дь нѣзван-то:
Шьчо незва́ному, Васильюшко, скажу тебе, ве́дь госьтю всё ве́дь места нет.

Тут не слушат Василей Богуславъевич,
Он не слушат родиму свою матушку;
Он ве́дь скоро тут да наряжайтсе
Со своей-то он дружиночкой со храброю,
Со трѣма́-ти ве́дь со руськима могуцима бога́тырями:
Со перьвым-то со Потанюшкой со Хроменьким,
Со вторым-то со Косьтей с новоторженином,
Со третьи́м-то со Данилушком с Горбатеньким;
Они скоро пошли-то всё ко князю-ту новгородському.
(Имя тяжелое — не помню.)

Как ведь тут они пришли-то тут скорёхонько;
Он ведь не спрашивает Васильюшко всё Богославъевич
Он у дверей-то да всё придверницьков,
У ворот-то да всё, ведь приворотъницьков,
Он заходит во полаты княженеськия,
Он ведь кланяйтсе князю всё новгородскому;
Он заносит свою-ту ножку правую
Церез ту ли скамейку белодубову,
Он садитсе-то скоро за дубовой стол,
Он садит свою дружиначку хоробрую;
Упехал-то из-за стола многих людей добрых,
Ише тех ли мужиков новгороцьких,
Он выпёхивал их всё на новы сени.
Тут народ-от, люди дбры испугалисе,
По домам-то ох ведь много разъбегалосе
Да назад опеть на пир да собиралисе;
Они стали сидеть, да всё посиживать,
Во съмиренъици сидят да всё как пьют, едят.

Говорит-то тут князь новгородцькия:
— Уж вы шьто-то сидите, да вы богатыри,
Вы не цим, сидите, у мя не хвастайте.

Говорит-то тут Косьтя новоторженин:
— Уж и тем-то разье я похвастаю:
Я осталсэ всё от батюшка родимого,
Я осталсэ от батюшка малёхонёк,
Я малёхонек осталсэ, зеленёхонёк.

Воспрогворит Василей Богуславъёвиць:
— Я уж тем-то разье я похвастаю:
О своей-то я буйной о головушке,
Я ударюсь с вами, мужики новгородьския,
Ай ударюсь я с вами о велик залог,
О велик-то я залог — свою богатырьску-ту ли я о буйну голову,
Пробиваю я свою вам буйну голову.

Говорят-то мужики новгородськия:
— Мы по ўтру-ту станем, утру ранному,
Привести тебя, Василей Богуславъевич,
Привести тебя шьчобы нам ко Непрэ-реки;
Приведём тебя да мы к Непрэ-реки,
К тому-то мы мосту, мосту дубовому,

Отсекём у тя по плечь-то богатырьску буйну голову.
Ты не будешь убивать-то всё многіх хоть людей добрых.

Тут пошел-то скоро со пиру́ Васильюшко,
Ай ведь тот у нас Василей Богуславъевич,
Он повесил-то свою-ту буйну голову,
Ай повесил головушку с могуцих плечь,
Запечалилсэ, пошел, сам закручинилсэ.
Ай приходит к родимой своей матушке,
Ай ко той ли Авдотьи-свет Васильевны
Со своей-то с дружиноцькой с хороброю.
Говорит-то ему всё рódна матушка:
— Уж ты шьто же, ты моё да цядо милоё,
Цядо милоё моё, цядо любимое,
Молодой ты мой Василий Богуславъевич!
Ты ведь шьчо у мя пришел всё запечалилсэ?
— Уж ты гой еси, матушка родимая
А по имени Овдотья-свет Васильевна!
Ишше как то мне-ка не печалиться?
Я ударилсэ ведь на пиру-ту всё
Я с тимá-то с мужиками всё новгородьскима,
Я пробил-то им свою-ту богатырьску голову:
Увести хотят меня да ко Непрэ-реки,
Ко тому ли всё миня мосту дубовому,
Отрубить хотят, отсеки всё мою-ту богатырьску буйну голову.

Посадила его матушка родимая
Да во ту ли его клетку во железную,
Шьчо за те ёво замки крепки заморьския.
За заморьския замоцьки за железныя,
Припирала-то его ишше черным вязом.
Как ведь тут-то пришло-то утро ранное,
Приходили мужики новгородьския,
Тут ведь собирались мужики новгородьския
Ко Васильюшкову всё к широкú двору;
— Выходи-ко ты, Василей Богуславъевиць!
Поведём мы тебя к матушке к Непрэ-реки,
Ко тому мы тебя мосту ко дубовому:
Нам охвота всё отсеки-то твоя-та буйна голова.
Богатырьска-та твоя да всё головушка.

Тут Василей, сын Богуславъёвиць
Он ведь крепко спит своим сном богатырьским.
Шьчо пошло-то то ведь время на другі сутки;
Тут ведь он всё спит, не пробужаитсе.
Тут ёго-то всё родима его матушка,
Ишше та вдова Овдотья-свет Васильёвна
Тут берёт-то, насыпает она мису красна золота,
Шьчо другу-ту насыпает циста сёребра,
Да третью-ту насыпает скатна жемцюгу,
Да пошла она ведь всё к князю с подарками.
Шьчо приходит ко князю-ту новогорочкому;
Не примаает ведь князь от ей подарочек:
— Не беру ведь у тебя я красна зóлота,
Не возьму я у тебя да чíсто сёребро,
Мне ненадобно твой да всё скатно́й жемцюг;
Мне подай только своего ты сына любимого,
Молодого мне Василья Богуславъёвича.

Как пошла-то бедна вдовушка, слезно́ расплакалась.
Как приходит она да на чистó полё,
Роскина́ла-розбросала злато, сёребро,
Россыпа́ла она свой да дорогой женцю́г
По тому ли она по по́лю чистому,
Шьчо сама-та говорила таковы реци:
— Мне не дорого теперь да красно золото,
Мне не дорого теперь мне цисто сёребро,
Не жалею я теперь да скатна́ жемцюга, —
Дорого́ у мня моё мне цядо милоё:
Мне-ка жаль ёго ухватки богатырьскою,
Мне-ка жаль его уда́лой буйной го́ловы,
Мне-ка жаль-то ведь рожóного мне дитятка,
Молодого всё Василья-та да Богуславъёвича!

Как приходит она всё на широкой двор, —
На широкóм-то двори ведь ходят по колен в крови.
Поступила тут ево дружиночка хоробрая,
Они бьют всё мужиков новгородских;
Тут пашло ведь мужиков всё перевáлами:
— Мы зайдём ведь ко Васильюшку да Богуславъёвичу,
Мы зайдём скорó к ему мы на широкой двор,
Оберём мы у ево да злато, сёребро,

Отсекём мы у ево да буйну голову.

Услыхали тут их красны девушки,
Молоды-ти ведь всё ихны кухароцьки,
Ише ти ли Васильёвы всё портомойници —
Полоскали Васильюшковы всё белы́, тонкі рубашоцьки;
Как котора на Васильюшка стирала-то рубашоцьки
Как хватила она всё коромысло тут,
Она стала коромыслом всё пошалкивать,
Шьчо убила она силушки да целу сотню-ту,
Ай Потанюшка убил да до пяти он сот,
Ише Косьтя новоторженин убил да до шести же сот,
Ай Данилушко убил да целу тысецю.
Ай бежит-то тут Васильюшкова портомойница;
Тут откинула от двэрей она чёрной вяз,
Отомкнула-то замоцьки ти скорó заморьския,
Отпирала она клеть крепку железную,
Говорит она сама да слéзно плачитсе:
— Уж ты слáдка, ты сналівна наша ягодка,
Молодой ты наш хозяин, свет-Василей Богуславъевиць!
Шьчо ты долго у нас спишь, ты не пробудисьсе, —
Уж ты спишь у нас, Василей, трои сутоцьки!
Шьчо твоя-та ведь дружиночка хоробрая
Они бродят на широком двори в крови-то до коленей все.

Тут ставал скорó Василей Богуславъевич
На свои-то он на ножицьки на богатырьския,
Тут хватал-то всё Василей Богуславъевич
Во свои-ти белы руцюшки да в богатырьския,
Он хватал-то, всё ведь брал да тут ведь чёрной вяз,
Он ведь стал-то всё вязом да тем поигрывать,
Как народа, людей добрых стал вязом чёрным пошалкивать:
На на праву-ту руку махнёт — свалитсе улица,
Он на леву отмахнёт — всё переулками;
Он прибил-то силу всю новгородскую.
Он приходит тут да ко Непрэ, к реки;
Больше бить-то ведь Василью стало некого.
У Непре-то, у реки-то был да всё дубовой мост;
Тут стрецялсэ Василью на мосту-ту всё ему ведь тут,
Ишше тот ли стретилсэ-то ему крестовой его братёлко.
Говорит ему Василей Богуславъевич:

— Тебя цёрт ведь то несёт, брата крестового!
Ты идешь во ту пору, когды ненадобно;
Мы играм-то ведь севодьне головами всё,
Не жалем своих головушок мы богатырьских.

Говорит ему крестовой его братёлко:

— Молодой ты знать Василей Богуславъевич!
Ты порато со мной шибко зашибаисьсе.
Ты уцилсэ-то когды ты в школе грамоте,
Над тобой-то, кажись, был тогды большім ведь я,
Ты, Василей Богуславъевич, ты был тогды да всё меньшим ты мне;
Я учил тебя ко грамоте господьнёю.

Во руках несёт крестовой его брателко

Ише ту ли шепалыгу подорожную,
Шепалыга подорожна будёт всё ведь двесьти пуд;
Он ударил Василью в буйну голову
Он ведь той-ли шепалугой подорожною.

(На дорогу эдаку взял!)

Ай ведь тут-то богатырьское серьцо разгорелосе;
Как хватал-то ведь Василей Богуславъевич
Шепалыгу у ево да всё левой рукой,
Вырывал из рук у брателка крестового;
Он ударил тут братёлка по буйной гóловы.
Тут славы-ти поют ведь брателку крестовому,
Шьчо славы ему поют, во многих старинах скажут.

(Врака, всё -таки в одной!)

Подошел опять по мосту по дубовому;
Тут идёт ему настрету хрёсной ёго батюшко,
Хрёсной батюшко ево да свет-Дивянишшо,
Ай он гóворит Василей Богуславъевич:
— Тебя черт-от несёт, да хрёсной ты мой батюшко,
Водяной тебя несёт да всё не во время!

Говорил ёму крестовой ёго батюшко:

— Молодой, ишше Василей Богуславъевич!
Не по себе-то ты теперь да дело делаёшь. —

Говорит-то Василей Богославъевич:

— Уж ты гой еси, родимой хрёсной батюшко!
Я севодьне играю головами всё мужицьима,
Всё мужицьима играю я, новгороцькима,
Не пропускаю головы и богатырьскою.

У ево-то всё у хрёсного да отца-батюшка
Ай на гóловы надет наместо шляпы большой колокол,
А потянет этот колокол пудов о тысяцю.
Как в руки́-то язык да всё петьсот пудов.
Погледел-то тут Василей-от на крестового на батюшка;
Он ударил его шепалыгой-то по этому по колоколу, —
Розлетелсэ ведь колокол на мелкие дребезги,
Тут прошла-то шепалыга-та его всё буйну голову.
— Ай убил я ведь, верно, хрестового же отца, хрёсного!
Ай крестового-то братёлка-та ишше мёртвого попинывают.
Тут приходят к Овдотьи всё к Васильёвны
Ише ти ли женьшины новгородския
Под косисцято к ей да под окошоцько.
Услыхал скорó Василей Богуславъевич,
Он ведь скоро оврашáлсэ к рóдной матушке,
Ише к той ли к Овдотьи-свет к Васильёвны.
Как налим-то круг ведь камешка всё овиваитьсе,
Как Василей Богославъевич к матушке ведь всё он лáшшитсе;
Он ведь падат своей матушки в резвы́ ноги,
Он-то просит у ей родительска благословленьиця:
— Уж ты дай-ко мне-ка, матушка родимая,
Мне-ка дай-ко ты родительско благословленьицё
Мне-ка съездить-то, матушка, в Ерусалим всё град;
Я ведь нагрешил я много хоть со малых лет,
Убивал много народу православного,
Убивал много хресьяньских малых детушок,
Убил-то я своего хрёсна батюшка,
Я убил-то крестового своего брателка, —
Ише хрёсному моёму был родимой сын.
Мне-ка надобно в грехах да попрошшатисе,
Ко съвятой-то мне святыни помолитисе,
Ко съвятым мошшам нетленным приложитисе,
Во Ердан мне-ка реки́ да окупатисе;
Мне увидетьь ведь надоть свято озёро
Откуль вышла матушка Ердань-река,
Мне сходить-то нать ведь, съездить на съвяту гору,
Приобразилсэ, на горú-ту, где Исус Христос,
Где Исус-от Христос да где небесной царь:
Там ведь есь-то, скажут, стоит церьквá соборная,

Там соборная церьква всё Приображеньская,
А двенадцеть есь престолов тут двенадцеть крылосов;
Там ведь есь-то, скажут, камень Латырь есь,
Ишше Латырь-от камень-от святой-от всё.
Установил-то наш Исус Христос, небесной царь,
Шьчо на том-то камню веру православную,
Написал-то он на том камню всё книгу Голубинную
Со двенадцетью он всё ведь со апостолами.

Говорит ёму родима ёго матушка:

— Ты пойдёшь токо, моё ты цядо милоё,
Молодой же мой Василей Богуславъёвич,
Ты пойдёшь токо на дело на хорошоё,
Я ведь дам тебе крепко родительско благословленьице;
Изменишь токо, Василей Богуславъёвиць,
Ты'зьменишь токо своё да слово крепкоё,
Токо будешь кого бить-то по дороги православного,
Богатыря ты, хоть и не богатыря,
Не неси-то тебя матушка тогда сыра земля!

Она скоро благословила своего тут цяда милого;
Они скоро ведь поехали да на чернёных караблях.
Они шли-то тут времени немало жо:
Ай ведь шли они времени около месяца.
Ай пришли-то они ко Ерусалиму-ту, к святу граду:
Да завидял-то Васильюшко всё силу бусурманьскую,
А стоит-то силушка под Ерусалимом всё под городом
Он не бил-то этой силушки да бусурманьскою.
Он доходит, доступает по своим делам,
По своим-то по делам — Богу молитисе,
Шьчо во тот-ли светой в Ерусалим он град;
Он святой-то всё съвятыни-то всё мо́литьсе,
Во тяжкых-то он грехах Богу прошшаитьсе,
Ко святым мошшам нетленным всё приложилсэ,
Заказны поёт обедњи с панафидами,
С панафидами, всё со молебнами:
Поминат своёго он родного батюшка,
Молит Бога за свою-ту родну матушку,
За себя-то он всё за Василья Богославъёвича,
Он дават-то всё отцам, попам соборным,
Он несчётно-то дават да золоту казну;

Он ведь молит за дружинишку хоробрую,
Он несцётно же дават да золотой казны.
Ай отправились они всё ко Ердан-реки,
Ко Ердан-то ко реки, ко Льбину-ту святому озеру
Как ведь тут-то стали во Ердан-реки купатисе
Со своей-то он с хороброю дружиноцькой.
Говорила ёму-ту рódна матушка.
— Не купайся ты, Василей Богославъёвич
Не купи́се-ко нагим во матушке Ердан-реки:
Толко нагим-то купалсэ Исус Христос,
Сам Исус Христос купалсэ, наш небесной царь.
Не послушал он наказу рódной матушки,
Ишше той вдовы Овдотьи всё Васильевны,
Окупалсэ он в Ердан-реки нагим-то всё,
Шьто нагим-то окупалсэ, без рубашоцьки.
Как ёго-то всё дружиночка хоробрая
Окупались-то да всё в рубашоцьках.
Ай поехали они ко каменю ко Лáтырю, —
Ай лёжит-то голова всё богатырьская;
Он ведь брал-то эту голову попинывал,
Он ведь стал-то эту голову побрасывать;
Говорит-то голова всё богатырьская:
— Не пинай меня ты, Васильюшко всё Богуславъёвиць,
Не пинай ты мою голову всё богатырьскую!
А не перескóцить тебе будет через Лáтынъ-камень:
Ты первóй-от раз, Василей Богославъёвич,
Перескóцишь через камень во первóй након,
Перескоцишь через камень во второй након;
Не перескóцить тебе накону трéтьего, —
Ты убьёсьсе, Васильюшко, о этот кáмешок;
Не бывать-то тебе будёт, Василей Богославъёвич,
Не бевати тебе будёт-то ведь на съвятой горы,
Шьчо во той тебе во церьквы всё Преображеньскою,
Не видать тебе уж той будёт церквы соборною,
Тебе соборною церьквы, богомольнёю,
Не видать тебе будет двенадцеть всё престолов всех,
Не видать будет, Василей ты да Богуславъёвич,
Ай двенадцеть-то тебе престолов-то, двенадцеть крылосов.
Говорит тут Василей таковы слова:

— Ай ты крепко спишь — тебе всё во снях видитсе!

Перескóцил первой раз Василей Богуславъёвиць,
Перескóцил Васильюшко церес камень во второй након,
Ай в третей-от након упал о этот Лáтырь, всё о камень-от,
Он убилсэ тут да всё до смерти-то,
Ай убилсэ наш Василей Богославъёвич,
Ишше тут Васильюшку славы поют,
Шьчо славы́ ему поют да старины́ скажут.

*(Записано 29 июня 1899 г. в с. Нижняя Зимняя Золотица (Зимний берег
Белого моря) от Аграфены Матвеевны Крюковой)*

Беломорские былины, записанные А. В. Марковым. С предисловием В. Ф. Миллера. М., 1901.